

5. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15 тт. [Т. 16 – доп.]. – М.: Гослитиздат, 1939-1953. В тексте даны ссылки с указанием тома и страницы.
6. Евгеньев-Максимов В.Е. Эволюция общественных взглядов Гончарова в 60-е годы // Звезда. – 1926. – № 5. – С. 189-200.
7. Соловьев Н.И. Женщинам // Эпоха. – 1864. – № 12. – С. 15-24.
8. Неизданная статья А.А. Фета о романе Чернышевского «Что делать?» // Литературное наследство. – 1936. – № 25-26. – С. 477-544.
9. Страхов Н.Н. Счастливые люди / Страхов Н. Из истории литературного нигилизма. – 1861-1865. – СПб.: Типография Братьев Пантелеевых, 1890. – С. 200-205.
10. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 тт. – М.: Художественная литература, 1958.
11. Писарев Д.И. Литературная критика: В 3х тт. – Л.: Художественная литература, ЛО, 1981. В тексте даны ссылки с указанием тома и страницы.
12. Боборыкин П.Д. Воспоминания в 2-х тт. – М.: Художественная литература, 1965.
13. Боборыкин П.Д. Жертва вечерняя / Сочинения: В 12 т. – Т. 5. – СПб. – М.: Изд-во Товарищества М.О. Вольфа, 1885. – 388 с.
14. Краснова О.К. Романы П.Д. Боборыкина 1860-1870-х гг.: Автореферат дисс... кандидата филологических наук. – Л.: ЛГУ, 1983. – 16 с.

Поступила в редакцию 14.07.2005 г.

УДК 821. 161. 1 X – 3. 09 – 055. 2

Погребная В.Л.

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ В РОМАНЕ Н.Д. ХВОЩИНСКОЙ «ВСТРЕЧА»

В статье рассматривается своеобразие взглядов Н.Д. Хвощинской на женскую эмансипацию. Анализируется специфика художественных типов эмансипированных женщин в романе «Встреча». Отмечается, что ирония является стилиобразующим и структурообразующим средством построения художественных образов эмансипе-эгоисток.

Ключевые слова: эмансипация, сюжет, детализация, психологизм, ирония

У статті розглядається своєрідність поглядів Н.Д. Хвощинської на жіночу емансипацію. Аналізується специфіка художніх типів емансипованих жінок у романі "Зустріч". Зазначається, що іронія є стилетворюючим і структуроутворюючим засобом побудови художніх образів емансипе-еґоїсток.

Ключові слова: емансипація, сюжет, деталізація, психологізм, іронія

The originality of N.D. Khvoschinskaya's views to the problem of female emancipation are examined in the article. Specificity of artistic types of emancipated women in the novel "Meeting" is analyzed. It is marked, that the irony is a styleforming and structureforming constructive tool of artistic images.

Key words: emancipation, plot, detailing, psychologism, irony

Постановка проблемы. Надежде Дмитриевне Хвощинской (1824-1889) принадлежит особое место в литературном процессе второй половины XIX века. Творчество писательницы было хорошо известно русской читающей аудитории. О популярности писательницы свидетельствуют многочисленные переиздания ее сочинений в 70-90-е гг. XIX века (она – автор восьми больших романов, двадцати двух повестей, множества очерков, сцен и рассказов, стихотворений, литературно-критических статей, переводов с французского и итальянского языков).

К сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день творчество Хвощинской практически забыто. Львиная доля ее произведений существует лишь в изданиях XIX – начала XX века. Ни один из романов Хвощинской, пользующихся большой популярностью у читателей XIX века («Встреча», «Большая Медведица», «Недавнее»), не был переиздан ни в советское, ни в последующее время, не говоря уже о ее литературно-критических статьях, очерках, рассказах.

Современники Н.Д. Хвощинской ее главной заслугой справедливо считали как создание целой галереи женских характеров, так и постановку проблемы эмансипации женской личности. Ряд интересных замечаний об отношении писательницы к эмансипации, о женских типах в ее произведениях был высказан в работах В.П. Острогорского [1], К. Арсеньева [2], В. Чуйко [3], В.И. Семевского [4], А.И. Белецкого [5], А.И. Тыминского [6], А. Розенхольм [7] и др. В этих исследованиях затрагивается проблема эволюции образа «новой женщины» в творчестве писательницы. В центре нашего внимания – рассмотрение других, не менее интересных женских типов (опыт писательницы в создании типа «вульгарных эмансипе» является не менее новаторским).

Цель нашего исследования состоит в рассмотрении своеобразия взглядов Н.Д. Хвощинской на женскую эмансипацию, определении новаторства писательницы в создании совершенно нового для русской литературы женского типа эмансипе-эгоистки, изучении природы иронии, которую необходимо рассматривать как стилиобразующее и структурообразующее средство построения художественных образов эмансипе.

Свои взгляды на эмансипацию женщины писательница изложила в обширном письме к приятельнице из Рязани от 5 июня 1865 г. (по ст. стилю). Она писала: «Свобода женщины, по-моему, есть ее деятельность, а начинается она с умения пришить заплатку и замесить квашню. Можешь больше – делай больше, хоть пиши трактаты, как жена Милля, только делай, точно делай, а не фразируй под папироску» [цит. по: 4, с. 82]. Писательница считала, что истинно эмансипированная женщина – та, которая делает конкретное дело, вне зависимости от того, крупное оно или мелкое.

Понимание Надеждой Дмитриевной эмансипации несколько отличалось от представлений революционных демократов и народников. Писательница тоже считала, что женщина должна иметь равные права с мужчиной на образование, труд, участие в общественной жизни. Однако она никогда не рассматривала женщину в отрыве от семьи, не считала возможным освобождать ее от родственных обязанностей.

Хвощинская не была приверженницей утилитарного разумно-реалистического канона, полностью отвергающего в женщине женственность. Она не принимала «омужчинивания» женщин. Ее любимые героини – Ахтаровская (роман «Встреча»), Багрянская (роман «Большая Медведица») очень женственны. В. Горленко, хорошо знавший писательницу в ее последние годы жизни, вспоминает: «Н.Д., создавшая столько прекрасных женских характеров, так глубоко преданная истинному просвещению, любила в женщине видеть женщину со всеми ее собственными чертами, и с трудом переносила бесполох существ... Она думала, что стремление быть похожей на мужчину мало говорит в пользу самостоятельности женщины...» [8, с. 660].

В творчестве Хвощинской тип эмансипированной, самостоятельной девушки претерпел сложную эволюцию. О зарождении этого типа можно говорить, рассматривая образ Анны Михайловны (из повести с таким же названием (1850), Ольги Григорьевны (повесть «Фразы» («Деревенская история»)) (1855). В 60-80-е годы писательница продолжит его разработку в романах «Встреча» (1860), «Недавнее» (1865), «Большая Медведица» (1870-1871), «Былое» (1878), в повести «Пансионерка» (1861), в очерках «Риднева» (1875), «Учительница» («Семья и школа») (1879-1880), «Вера» (1876).

В романе «Встреча», который Н.Д. Хвощинская считала своим лучшим произведением (ее сестра, Прасковья Хвощинская, вспоминает о писательнице: «Сама она никогда не была довольна написанным и из всех своих произведений выше всего ценила «Встречу» [9, I, с.10]), изображаются совершенно новые для русской литературы типы по-разному эмансипированных женщин. В образе самодостаточной Александры Ахтаровской отражен женский идеал Хвощинской, а в образе Людмилы Пантелеевой – вульгарные представления некоторых женщин о свободе. Образ Александры Григорьевны Ахтаровской (роман «Встреча») Хвощинская считала одним из наиболее удавшихся.

Ахтаровская – сильная натура. В семнадцать лет, едва вышедши замуж, она не побоялась оставить мужа-негодая, пьяницу, дебошира и тирана. Александра хочет забыть прошлое, устраивает себе спокойную, размеренную, независимую жизнь.

Ахтаровская – женщина-загадка, женщина-сфинкс. В этом образе много недосказанного, недопонятого, необъяснимого. Обратимся к ее портретной характеристике, построенной сугубо на описании выражения лица героини: «Полусвет леса придавал ей холодную бледность; одно ее лицо с загадочной улыбкой грусти, доброты или насмешки выдавалось от ее темного платья и темноты кругом. Она тоже смотрела вперед... с участием или с тоскою? Искры солнца горели в ее удивительных глазах; в них тоже была бесконечная мысль, но радости не было...» [10, с. 177].

Особое внимание на протяжении всего романа Хвощинская уделяет как описанию глаз героини (они могут быть «удивительными» [10, с. 177], «странными» [10, с. 121], «странного, сине-зеленого цвета» [10, с. 87]), так и описанию ее взгляда (взгляд может быть «холодный, спокойный» [10, с. 147], «насмешливый» [10, с. 149]), ее улыбки («по всей ее физиономии пробежала тень самой холодной насмешки и скрылась опять под совершенным спокойствием» [10, с. 121]), ее голоса («В голосе Ахтаровской были тихие, но грустные и сильные ноты» [10, с. 98]; «Тарнеев слушал и сам не знал, что делалось с ним от всякого ее слова, выговоренного так ровно, звучно, спокойно» [10, с. 150]).

Спокойствие, выдержанность, невозмутимость, неразговорчивость Ахтаровской противопоставляются в романе болтливости и восторженности Людмилы Пантелеевой, которая говорит много, к месту и не к месту и чаще всего громко и развязно. Например: «... товарищ! – сказала она развязно, и будто по увлечению протянув ему (Тарнееву. – В.П.) руку» [10, с. 97]. Если Ахтаровская создает впечатление человека «плавного», гармоничного, то Людмила – резка, порывиста. Это передается Хвощинской с помощью описания жестов и движений девушки. Например: «...она бросилась к столу, схватила лоскуток холстины, присела...» [10, с. 88]. Таким образом, рисунок внешнего поведения героинь (манера говорить, двигаться, жестикулировать и т.д.) различен, отражает, как в зеркале, их ценностные ориентации (в частности, их отношение к эмансипации).

Как человек глубокий и гармоничный, Ахтаровская любит природу и музыку, чего не скажешь о Людмиле (следует привести такую деталь: Людмила не любит старый сад, цветы, растущие в нем, а Александра Григорьевна – любитесь им, любит гулять по его аллеям). Ахтаровская, не претендующая,

как Людмила, на роль поэтессы, вешательницы новых идей, тем не менее, очень тонко чувствует, умеет ценить прекрасное, она более умна и остроумна, чем Пантелеева, верно и метко судит о многих явлениях.

Почему же она несчастна? Почему она делает несчастным Тарнеева, не ответив взаимностью на его чувства? Следует заметить, что роман «Встреча» (1860) появился в печати в то же время, что и роман М. Авдеева «Подводный камень», где автор выступил против условностей морали, за свободный выбор в любви, т.е. явился защитником свободы чувств. В то время модной была теория гражданского брака. Если бы Хвощинская следовала этой моде, Ахтаровская должна была бы стать гражданской женой Тарнеева (с законным мужем она не имела права развестись, поэтому брак с Тарнеевым мог быть только гражданским), однако писательница следовала не моде, а логике развития характера героини – последняя после признания Тарнеева просит его уехать. Их разрыв обусловлен не боязнью героини перед светом (она говорит: «брак без уважения преступнее, чем любовь к честному человеку» [10, с. 245]), а тем, что она, вынесшая множество нравственных оскорблений, разочаровавшаяся в идеалах, потерявшая способность верить и любить, не хочет причинить боль Тарнееву: «...меня здесь не нужно! – вскричала она, – на что я вам? Я мертвая: какая от меня радость? Что я сюда принесу? Воспоминания, отвращение, тоску... Спросите у Бога, за что из живого человека, рожденного на любовь, на счастье для себя, для других, я стала не знаю чем, натерпелась до того, что за всех больно, нагляделась до того, что всего стыдно! После того, что я выжила, не оживают, не смеются, не вносят радости в дом...» [10, с. 243]. Трагедия Ахтаровской заключается в том, что она замкнулась в своем тесном мирке, и, по существу, будучи честным, глубоким, чистым человеком, губит сама себя.

В романе «Встреча» выпукло и ярко обрисован образ Людмилы Андреевны Пантелеевой, поэтессы и эмансипе. Она живет в деревне с матерью и сестрами и ведет не совсем обычный для девушек того времени образ жизни, связанный с сочинительством и пропагандой модных идей эмансипации. Людмила много говорит об общественном значении «песней женщины» [10, с. 205], т.е. женского творчества. Писатель Тарнеев иронизирует: «Нам недостает только ваших энергических укоров, ваших смелых пророчеств, ваших неосязаемых мечтаний» [10, с. 206].

Разговоры Людмилы о женских правах, женском самосознании часто выдают не просто ее напористость, но и агрессивность. Например, она так характеризует Тарнееву свое стихотворение: «...мне хотелось выразить то вполне женское чувство самосознания, которое бросает упрек судьбе: «ты не дала мне то, чего я стою, но я возьму сама, возьму насильно; что мое, то мое...» [10, с. 104].

Отношение автора к Людмиле иронично. Несоответствие слов и дела, внутреннего и внешнего в этой девушке как нельзя лучше передается в описаниях ее внешности, действий, поступков. Например, Ахтаровская и Тарнеев видят ее такою: «Людмила предстала во всем величии: за письменным столом, с папиросой, дымившейся на малахитовом подножии, с рукой, запущенной в волосы, и погруженная в вдохновенное самозабвение» [10, с. 161]. Людмила любит позировать, играть, она «представляет» себя через собственную самооценку, которая чаще всего оказывается завышенной. Например, она говорит: «О, передо мной проходило все человечество! Я стгорала в любви к нему, в желании сделать мою любовь понятно всему окружающему, разлить на всех этот избыток...» [10, с. 170]; «...пусть я буду «спартанка», женщина без сердца для мелочных привязанностей; у меня есть убеждения и привязанности высшие, что, конечно, лучше индифферентизма или безразличной чувствительности; я готова, как древние женщины, сказать: «или на щите, или со щитом...» [10, с. 108].

Людмила восторженна, ее речи напыщенны, она любит говорить о роли женщин в обществе, об их правах (и никогда не говорит об их обязанностях – перед семьей, перед обществом). Она очень многословна. Одно из таких «выступлений» Людмилы Пантелеевой намеренно дается в сопоставлении с вышиванием Ахтаровской, спокойно занимающейся своим делом, очень мало говорившей вообще (а в особенности об эмансипации). А Людмила ораторствует: «...я говорю, что в настоящее время мы должны оставить все наши занятия, чтобы быть полезными чем-нибудь нашему обществу... мы, русские женщины, должны показать, что можем не заниматься вздорами» [10, с. 87]. Эти слова звучат явно наигранно, ибо далее слов Людмила не идет, она ничем полезным конкретно не занята. Она вообще не приучена и не любит трудиться. Девушка признается Тарнееву: «Но ведь я ленивица, ленивица, какой другой нет на свете... я не могла заставить себя выучиться хотя одной женской работе» [10, с. 90]. Хвощинская наряду с разговорами Людмилы о необходимости делать новое дело, «сказать свое прямое, смелое слово» [10, с. 99] изображает ее барские привычки, высокомерие и деспотизм по отношению к сестрам, матери, слугам. Сестры ее боятся и недолюбливают, маменька пред нею благоговееет, видя в своей Людочке в первую очередь великого оратора и поэтессы, а затем уже дочь.

В натуре Людмилы нет гармонии, чувства меры. Хвощинская передает это через портрет героини и ее движения: «...в ее лице было более, чем у сестер, энергии и оригинальности, может быть, потому, что ее носик был загнут книзу, а волосы взбиты кверху. Она очень развязно подошла к Тарнееву» [10, с. 85]. «В этой девице все было как-то решительно и ярко» [10, с. 85], – пишет Хвощинская. Авторские оценки подчас носят не только ироническую окраску, но и окраску сатирическую. Например, в одном из эпизодов Хвощинская замечает, что Людмила «засмеялась очень громко и отвратительно» [10, с. 230].

Отношение Хвоцинской к Людмиле передается и через описание интерьера. Это описание сопровождается авторским комментарием. Людмила Пантелеева, выдающая себя за эмансипированную женщину, имела собственный кабинет, «убранный с большими претензиями, и нельзя сказать, чтобы со вкусом» [10, с. 93]. Укажем на характерную деталь, характеризующую неестественность героини, ее любовь к позированию, модным вещам: «В числе антипатий Тарнеева была антипатия к бронзовым собачкам на малахитовых дощечках (подчеркнуто нами. – В.П.): точно такая первая попалась ему на глаза» [10, с. 93]. Беспорядок письменного стола Людмилы «тщательно обдуманый», плетеная корзинка под столом – «пустая» [10, с. 93] (т.е. в ней нет бумаг), все детали выдают в хозяйке кабинета человека, стремящегося выдать себя за творческую, ищущую личность, произвести эффектное впечатление. Градация художественных деталей при изображении интерьера способствует достижению иронического эффекта. Фальшивость, лицемерие, неестественность героини, ее стремление казаться, выглядеть (а не быть) передовой женщиной мастерски развенчиваются писательницей.

Эмансипированность Людмилы – «наносная», уродливая, это даже не эмансипированность в истинном значении этого слова, а попытка игры в нее. Образ Людмилы близок образу Кукшиной (роман И.С. Тургенева «Отцы и дети»), однако в то время как последняя представляет собой карикатуру и пародию на эмансипированную женщину, образ Людмилы не воспринимается как карикатурный, поскольку Хвоцинская при создании этого образа использует юмор, сатиру, иронию, а не шарж, карикатуру, пародию. Авторское отношение к Людмиле созвучно отношению к ней Тарнеева, уставшего от ее кокетства и ухаживаний: «...она ему до смерти надоела. Казалось, ничего не было безвреднее этого маленького синего чулка, а между тем Тарнееву было несносно даже то, что он идет рядом» [10, с. 112-113].

Выводы.

Н.Д. Хвоцинскую, чье творчество занимает ведущее положение в женской литературе XIX века, по праву считают знатоком женской психологии. Ее опыт в создании целой галереи женских характеров является новаторским. Писательница в своем творчестве изобразила различные полюса эмансипированности. В романе «Встреча» противопоставлены образы истинно эмансипированной, с точки зрения писательницы, Александры Ахтаровской, натуры глубокой и самодостаточной, и Людмилы Пантелеевой, которая видит эмансипацию в слепом подражании, следовании моде, своеобразной игре.

Говоря о вульгарных, уродливых проявлениях эмансипации, Хвоцинская нередко прибегает к тонкой, изысканной иронии, которую можно считать и стилеобразующим и структурообразующим средством создания художественных образов.

Сказанным нами не исчерпываются дальнейшие перспективы изучения типологии женских образов в многогранном и обширном творчестве Н.Д. Хвоцинской. Для исследователей ее творчества открыто широкое поле деятельности – как в плане изучения малоизвестных текстов, так и в плане переосмысления уже изученных.

Источники и литература

1. Острогорский В.П. Этюды о русских женщинах // Женское образование. – 1880. – № 6-7. – С. 315-330, 391-412.
2. Арсеньев К.К. В. Крестовский (псевдоним)/ Арсеньев К.К. Критические этюды по русской литературе: В двух томах. – Т.1. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1888. – С. 255-350.
3. Чуйко В.В. Крестовский-псевдоним: Критический очерк// Наблюдатель. – 1889. – № 8. – С. 37-60.
4. Семевский В.И. Н.Д. Хвоцинская-Зайончковская (В. Крестовский-псевдоним) // Русская мысль. – 1890. – № 10. – С. 49-89.
5. Белецкий А.И. Тургенев и русские писательницы 1830-1860-х годов/ Белецкий О. Зібрання праць у п'яти томах.– Т. 4.– К.: Наукова думка, 1966.– С. 273-305.
6. Тьминский А.И. Поэтика прозы Н.Д. Хвоцинской. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М.: МГОПУ, 1997. – 212с.
7. Розенхольм А. «Свое» и «чужое» в концепции «образованная женщина» и «Пансионерка» Н.Д. Хвоцинской // «Свое» и «чужое» в литературе и культуре: Studia Russica helsingiensia et Tartuensia. – № 4.– Тарту: Tartu University Press, 1995. – С. 143-166.
8. Горленко В. Крестовский-псевдоним (Воспоминание) // Русский архив.– 1897.– № 4.– С. 658-663.
9. Крестовский В. (псевдоним) Собрание сочинений в пяти томах. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1892.
10. Крестовский В.(псевдоним) Встреча. – СПб.: Новое время, 1880. – 258 с.

Поступила в редакцию 19.07.2005 г.